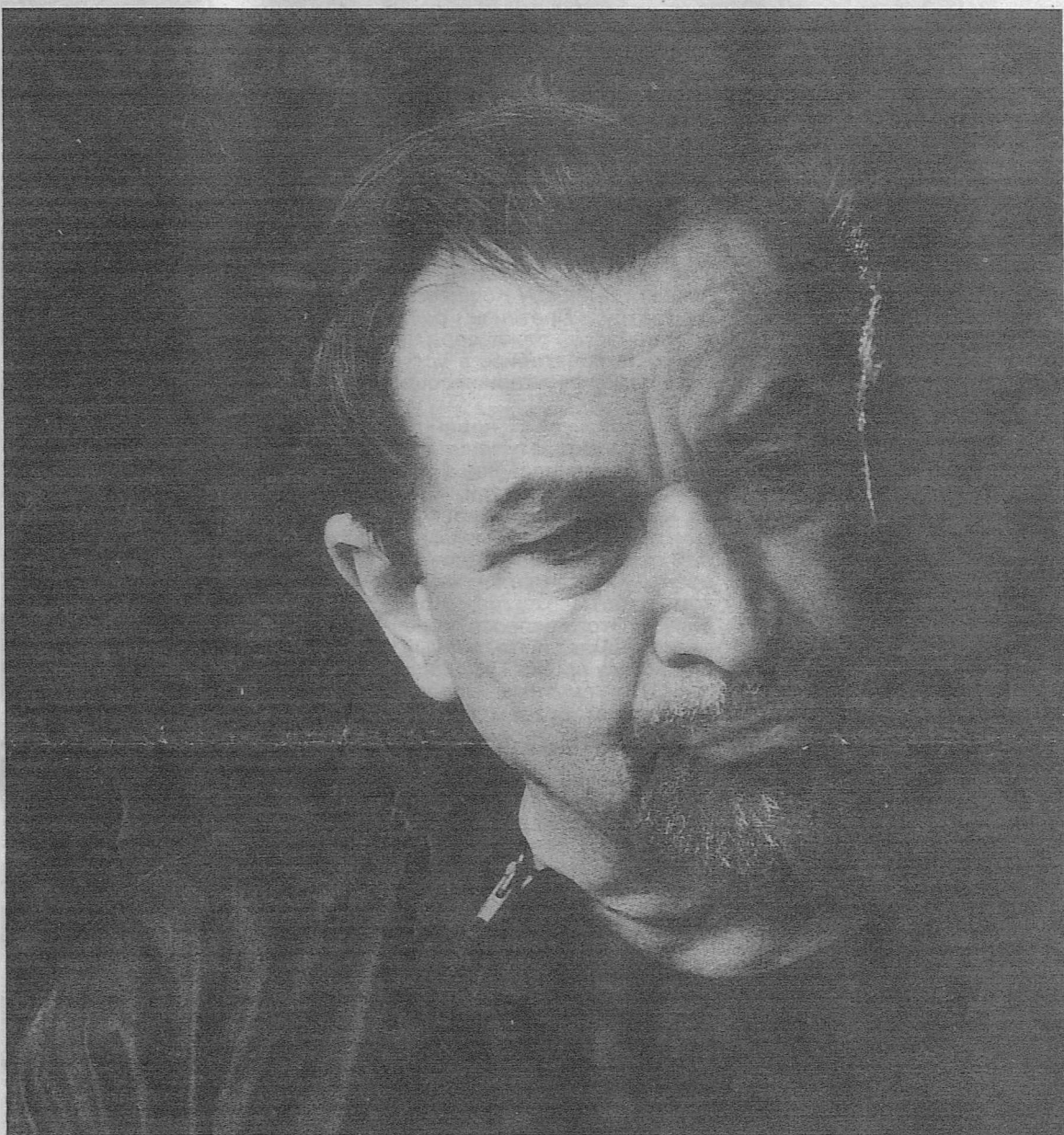

Вальс на тысячу тактов

Екатерина ДЮШЕН

С "Болеро" у российской публики нестандартные отношения. Балет танцуется с 1961 года, исполняли его солистки, а затем и солисты самого разного стиля и дарования, но Россия ничего этого не видела, а увидела сразу Майю Плисецкую, и вскоре – Хорхе Донна. Для нас "Болеро" – непременно философское и героическое произведение. Первоначальный же замысел Бежара, как известно из его мемуаров, был куда скромнее. На недавних гастролях школы Бежара в Москве (2000 год) мы видели в "Болеро" уже упомянутого Октавио Стенли. По молодости лет он до мельчайших подробностей скопировал по видеозаписи исполнение Донна и умолил Бежара разрешить ему выступить. Бежар дал слабинку и разрешил. О результате лучше не говорить. К счастью, в том "Болеро" оказался хороший кордебалет, состоящий из учеников школы – и юношей, и девушек. Девушки, надо сказать, не подкачали. Так что те из нас, кто до сей поры вооружался артиллерийским биноклем, дабы смотреть только на солистку (солиста), смогли, наконец, бинокль зачехлить и оценить балет в целом.

В теперешний приезд Октавио Стенли также станцевал "Болеро", но на сей раз отошел от рабского подражания своему великому соотечественнику. И правильно сделал. Не мудрствуя лукаво, он исполнял предписанные движения, делал это с удовольствием, с радостью, свойственной его двадцати годам, апеллируя больше к партнерам, чем к публике. К сожалению, костюмы оказались чересчур однообразными: черные брюки и обнаженный торс – так одеты и солист и все участники кордебалета. Тельняшки, белые рубашки, шейные платки остались где-то в Брюсселе. Не сказать, чтобы их отсутствие украсило спектакль.

Во второй вечер "Болеро" исполнила Элизабет Рос. Она была явно в ударе с самого начала вечера и блистательно провела роль Барбары, особенно пародийные моменты. В "Болеро", поднимая руки над головой, она как бы черпает силы из Космоса, вовсе не замечая заполнивших спину мужчин. Но постепенно, подстегиваемая ритмом, все больше и больше заводится, и вот уже прямо обращается к кордебалету. Дело доходит до больших батманов, ритм атакует, а танцовщики все еще не сбросили оцепенения. И тогда она в нетерпении стучит кулаками по столу. Очень впечатляет контраст между студенческой внешностью героини и исходящим от ее тела плотским призывом, причем рассудок тут не контролирует абсолютно ничего. Необходимо также отметить очень хороший контакт балерины с партнерами. Таково было "Болеро" в трактовке еще одного поколения бежаровской труппы.

Сам балетмейстер тоже посетил Москву, выходил на сцену, говорил о Стравинском, растроганно прослезился на поклонях. Поклонников у него, наверное, не убавилось, но аншлага не было. Его не было, пожалуй, и из-за цены на билеты. Самые дешевые стоили 500 рублей, самые дорогие – более семи тысяч. (Для сравнения: этой осенью в Париже билеты в Гранд-Опера на гастроли труппы Иржи Килиана стоили почти в три раза дешевле). От кого это зависело? От организаторов с нашей стороны или от западных продюсеров? Но проблема давно назрела и ее надо как-то решать. Иначе скоро некому будет ходить ни "на модерн", ни "на классику". Ведь своих детей мы на такие престижные зрелища почти не водим – по финансовым соображениям.

А все-таки здорово, что Бежар не испугался мороза и самолично посетил Москву. Здесь у него много друзей. И не только среди коллег. Среди зрителей тоже.

Жан и Свенд.

Очередные гастроли труппы Мориса Бежара "Бежар балет Лозанн" случились как-то неожиданно и промелькнули с быстротой молнии. Как и пять лет назад, перед поклонниками и поклонницами маэстро предстала основная лозаннская труппа. Репертуар не стал для нас абсолютной неожиданностью, но и не повторил балетов пятилетней давности. Была показана всего одна программа "Лучшие произведения Бежара". Ни название спектакля, ни названия отдельных номеров, ни фамилии исполнителей почему-то не были переведены на русский язык и фигурировали в программке по-английски или по-французски. Надо ли видеть в этом наше приближение к объединенной Европе?

В первом отделении показали "Концерт для скрипки" Игоря Стравинского и его же "Жар-птицу", во втором – балет на основе песен Жака Бреля и Барбары, а также "Болеро" Мориса Равеля. "Концерт для скрипки" (постановка 1982 года) в Москве никогда не показывали. Несколько девушек и юношей, одетых в желтое, исполнили то, что принято называть бессюжетным балетом. Время от времени пунктиром намечалась любовная тема, но настоящего продолжения она не получала, истаявая в ансамблевых танцах. В первый день всем исполнителям не хватало раскованности и легкости, зато на второй они оказались более уверенны в себе. Во второй вечер произвела впечатление и солистка Катрин Зуаснабар: публика охотно простила ей некоторые неточности, оценив несомненную сценическую притягательность.

"Жар-птицу" москвичи уже видели в конце семидесятых, и притом в превосходном исполнении артистов "Гранд-Опера" и "Балета XX века". Куда меньше было тогда единодушия по поводу концепции балетмейстера. Партизаны как коллективный протагонист устроили далеко не всех, а уж Жар-птица в мужском облике и вовсе вызвала недоумение. Бежар-то как раз никогда не мог понять, почему это русские изображают птицу в виде женщины – ведь слово "птица" (по-французски – l'oiseau) вроде бы мужского рода? Видимо, ставя балет, он всего лишь следовал за французским языком – так ему казалось правильнее.

"Жар-птица" образца 2002 года утратила столь нам памятный женский кордебалет, отчего сразу же стала скучноватой. Партизан переодели в подобие голубоватого камуфляжа, более похожего на пикамы, и все равно они выглядели анахронизмом, хотя танцовщики в этом совершенно не были виноваты. Все-таки главное в "Жар-птице" – солист. 7 декабря Джунчи Кобаяши весьма достойно справился с этой непростой задачей. Знаменитых исполнителей он, правда, не превзошел (и неудивительно – среди них и Микаэль Денар, и Хорхе Донн, и другие бежаровские солисты прошлых лет), но был элегантен, эмоционален и не погрешил против хореографического рисунка. Жюльен Фавро в роли Феникса оказался менее удачлив. Серия туров ему, мягко говоря, не вполне удалась, но поддержку он выполнил. В роли Жар-птицы также выступил Виктор Хименес. Он вынужден был срочно заменить заболевшего коллегу, и потому буквально боролся с хореографическим текстом, едва успевая фиксировать хотя бы основные позы. Публика, правда, все равно вознаградила его горячими аплодисментами, так что, будем надеяться, столь неожиданная "производственная практика" принесет в будущем свои плоды. Партиню Феникса исполнил и аргентинец Октавио Стенли, уже знакомый нам по московским гастролям двухлетней давности. Он продемонстрировал весьма элегантные и легкие туры (кстати, то был едва ли не единственный момент в спектакле, когда

танцовщик мог показать свою классическую выучку) и достойно справился с поддержками, хотя исполнитель Жар-птицы явно превосходил его по весу. А в общем, никак не скажешь, что балеты на музыку Стравинского были в этот приезд гвоздем программы.

Наиболее ярким событием вечера оказался примерно получасовой балет на основе песен Жака Бреля и Барбары. Бежар был знаком с обоими, обоим уже нет с нами, вот поэтому, как говорит Бежар, он и объединил их песни в одной программе. Но на самом деле, он, как мне кажется, подметил в их стиле нечто общее, и совершенно справедливо.

И Брель (1929 – 1978), и Барбара (1930 – 1997) для франкоязычной Европы – классика. У нас, разумеется, их знают куда меньше, но поклонников все-таки хватает. Можно также вспомнить, что Жака Бреля мы видели в фильмах "Профессиональный риск" и "Великолепный" (именно в этом последнем он был "съеден акулой в кабине телефона-автомата").

Балет "Брель и Барбара" начинается с блистательной пародии на обоих певцов. Пародируются жесты, манеры. В роли Бреля выступает Жиль Роман (на сегодняшний день – первый танцовщик труппы и руководитель школы Бежара), в роли Барбары – молодая балерина, испанка Элизабет Рос. Пародия называется "Интервью" – и это довольно издевательский дружеский шарж. Затем Бежар

переходит к интерпретации их песен, весьма неожиданной и озорной. Он не стремится отразить в хореографии содержание песен, но местами прибегает к нарочито буквалистской трактовке. Поет, скажем, Барбара про орла – и вот вам, пожалуйста, орел – интеллигентный Октавио Стенли в бутафорских черных крыльях – ну как тут вместе не погрузить! Медленный ритм, мягкие движения, эстетическая музыка... Возможно, это память о заштатном кабаре, где когда-то начинала Барбара. Две хрестоматийно известные любовные песни "поменяла хозяев" – Элизабет Рос протанцевала "Не покидай меня" Жака Бреля, а Жиль Роман – "Скажи, когда ты вернешься?" Барбары. Поскольку было заранее известно, что оба эти текста – ну очень серьезные! – немного иронии и чуточку самоиронии оказались весьма кстати. Без тени юмора Бежар поставил лишь "Молитву в честь возвращения" Жака Бреля, объединив два дуэта. Один из них исполняют Кристиан Блан с Доменико Левром (или Мартеном Веделем). Это типичный бежаровский любовный дуэт с узнаваемой поддержкой в конце – партнер, лежащий на спине, поднимает партнершу. Одновременно сами Брель и Барбара тоже танцуют дуэт, но в салонном стиле.

В "Бреле и Барбаре" много ансамблевых танцев, и гвоздем программы, как и следовало ожидать, оказался "Вальс на тысячу тактов". Песня Бреля дивно хороша вообще без всяких танцев, а уж если Бежар

руку приложит... И он ее приложил. Даже дважды – в середине и в конце композиции. В первый раз танцовщиков одели в классический балетный костюм: женщин – в черные туники, мужчин – в черные лосины и белые футболки. Показали нам нечто весьма элегантное, уравновешенное и озорное – то ли пародию на вальс, то ли экзерсис в стиле Баланчина – Пети – Бежара, то ли просто объяснение в любви Брелю и современному балету. Во второй раз на ту же музыку целая орда головорезов исполнила нечто, от классики весьма далекое. И вот что на них было: белое трико с брюками, а поверх – желтая трикотажная труба без рукавов. Кто надевал ее как шарф, кто – как юбку, кто – как платье. При этом все как-то ухитрились танцевать и манипулировать с упомянутой трубой. Подобное трикотажное изделие, по всей видимости, дань памяти Барбаре. Она любила вязать, причем ворот всегда делала очень широкий. Рукава же у нее частенько получались разной длины. Наверное, поэтому на одной из танцовщиц надеты брюки, где одна брючина нормальной длины, а другая – выше колена. В балете есть еще много скрытых реминисценций, зашифрованных воспоминаний, зрителям, возможно, и непонятных, зато много говорящих самому Бежару. Поэтому балетная ткань такая плотная, живая, упругая. И Брель, и Барбара наверняка остались бы довольны представлением. Остались довольны и зрители.